

Александр Зархи — один из основоположников советского кино. Им созданы классические фильмы «Депутат Балтики», «Член правительства», «Высота», «Анна Каренина», «Чичерин»... Сегодня он размышляет о современном кино.

НЕИЗБЕЖНО наступает пора, когда потомки восторженно и яростно рвут с традициями в жизни и в искусстве. Современность нетерпеливо подкашивает новое содержание и тяготеет к новым формам. Это закономерно, это знак каждой принципиально новой эпохи, иногда — ее предчувствие.

«Мы были сознательными озорниками», — писал Пастернак о новых поэтических формах двадцатых — тридцатых годов. — Писали намеренно иррационально, ставя перед собой лишь одну-единственную цель — поймать живое. Но это пренебрежение разумом ради живых впечатлений было заблуждением. Мы еще недостаточно владели техникой, чтобы сравнивать и выбирать, и действовали нахрапом. Высшие достижения искусства заключаются в синтезе живого со смыслом». На стыке традиционного с новаторским не всегда и сразу осознается необходимость «синтеза живого со смыслом», действительности с широтой ее понимания. Часто «действуют нахрапом» те, кого потом мы по праву славим как классиков. Не буду обременять читателей примерами, их много — скажу лишь, что надо нераздраженно и тактично относиться к демонстративному, но исторически необходимому явлению взрывчатого движения искусства. Особенно у нас, где пронзительными долготами беспечностью громилась творческие попытки художников выразить время и свое мироощущение.

С таким выстраданным отношением к своим фильмам, созданным за последние годы, и, смиряя в себе полемический запал, жду. Мечтаю о произведениях, впечатляющих остротой нежданных и серьезных проблем, свободным появлением неотлакированных героев в остропроблемных ситуациях, мастерством выразительности. Жду и...

Вот и еще один фильм вышел на экран. Вот и этот проскочил, не задев за соучастием. Ни радости, ни гордости, ни события, ни праздника...

Я слишком долго работаю в кино, чтобы укрыться равнодушием к его нынешней незавидной участи. И, конечно, одолевают пыльные сожаления, неугомонные раздумья, услужливо подступают воспоминания. Возникают в памяти те первые двадцать лет, что проработал на киностудии «Ленфильм». Не забыть влюбленность в свое дело, когда не только репетиции, съемки, озвучание, монтаж, обсуждения снятого материала в процессе работы над собственной картиной призывали на студию, но и в свободные дни притягивал звон горячих профессиональных бесед, рабочий дух замыслов — своих и чужих, отзыв компетентных, темпераментных художественных советов — ведь как дорожили маркой своей студии! Во имя этого в кабинетах, в павильонах царил любимая и усердная работа. В коридорах — встречи, вспышки нелицеприятных споров и доброго юмора. В атмосфере полнейшей творческой общительности еще раз обдумывались решения, крепилось мастерство начинающих режиссеров.

Много лет я работаю на «Мосфильме». И по давней, обретенной в молодости привычке часто приезжаю на студию в свои нерабочие дни. Повстречаться с коллегами, рассказать про свое, узнать чужие замыслы и надежды, промахи и победы. И, может быть, не в ажиотаже пленума, а в товарищеской обстановке, не искореженной личными претензиями, обсудить горестное положение кинематографа.

Да где уж там! Досадная глушь. Большинство кабинетов скучают под ключом, текут длинные коридоры, пустые и грустные, как высохшие ручьи.

Создатели фильмов разбежались в разные завлекательные зарубежно-кооперативные стороны, а уж тут каждый печется о себе, только о себе, и намертво заглох интерес друг к другу, а главное, к общему делу. На «Мосфильме» воцарилась мертвечина губительной разобщенности, эгоистичной незаинтересованности в реанимации задыхающегося искусства кино. Не отсюда ли и пустые кинозалы? А ведь так было не всегда...

Нами прожиты долгие опасные годы под прессом разъяренного беззакония — за них расплатой неизжитый страх, скопленное достоинство человека, острая скорбь по безвинно погибшим. Дорого обходятся и годы брежневской себялюбивой власти, позорно-жадной до материальных благ — за них расплачиваемся безбожным растлением природы и человеческой совести. Десятилетиями прозябало и оскорбительно загнанное в угол искусство. Сколько выстраданных и несостоявшихся замыслов и судеб, сколько фильмов, искалеченных беспрепятственным вмешательством власти предрешающих чиновников, — к несчастью, Сталин любил

кино. И потому тяжело, да и небезопасно было в тисках неоспоримых указаний, под гнетом хваткого пренебрежения талантом и своеобразием художника создавать фильмы, поддерживающие мужество и надежды людей, фильмы, возмещавшие человека и его идеалы.

А ведь удавалось иногда. И прорывался порой еще неубиенный дух романтики, когда неоскверненная идея освещала замысел и настойчивую веру в будущее. Это было необходимо и для художника, и для зрителя как способ духовного самосохранения.

СЕГОДНЯ «душе настало пробуждение». Вместе с гласностью, со свободой мнений явилось окрыляющее художников право на свою тему, на индивидуальное образное решение. Пришло время вольно заиграть смелым задумкам, творческим исканиям формы, и охладевший зритель, справедливо отвернувшийся от экрана, вправе был ждать

ЗАТУМАНЕННОЕ ЗЕРКАЛО КИНО

Субъективные
заметки
неисправимого
мечтателя

венности, щеколяют аморальностью, унижением человеческого достоинства, залихватским торжеством плоти. И сталикивают зрителя с действительностью, главным образом, чтоб вывести на экран человека в распадае, в нищете бездуховности. Что приносят зрителям фильмы хоть и снятые с добрыми намерениями, но эффектно демонстрирующие варианты насилия и издевательств над человеком? Дурман беспредельного антигуманизма может стать не менее опасен, чем наркомания. Неужели казенный, печатью удостоверенный оптимизм фильмов времен Сталина — Брежнева нынче в честь свободы творчества просто-напросто сменил на тотальный пессимизм экрана, захлебывающийся кровью и грязью? По словам Маркса, «человек сначала смотрит, как в зеркало, в другого человека». Для зрителя герой — зеркало. И если оно служит не пассивному созерцанию, а внушает стремление к личностному самосовершенствованию — это и определяет значение фильма.

Несомненно, я рискую быть ложно понятым, осмеянным, обруганным. Два ширпотребно склеенных слова — «полужительный герой» — не зря вызывают в памяти персонажи, далекие от жизни и от искусства, построенные на об-

Подчас и серьезная, наболевшая тема пропитывается соусом порнографических забав, используя то, что давно заплеснело в западной кинематографии. Но, как говорится, чем бы зритель не тешился, лишь бы деньги платил.

А еще во многих фильмах — только бы не отстать от действительности, от улицы, от навыков молодежи — обильно, смачно летят сквернословие. В жизни каждого поколения меняется словарное построение разговорного языка, возникает свой жаргон — смесь блатных словечек и сиюминутных звучаний. Но матерщина!.. Это плевок на богатейшую выразительность и гибкость русского языка, на нашу культуру.

ДУМАЮ О КИНО: грустно наблюдать, как, обретая с перестройкой свободу творчества, кинематографисты предают духовный мир зрителей, занимаясь кадроблудием. И в такой неблагоприятный час!

Справедливости ради надо признать, что печаль пустующих кинотеатров — это не только результат неувлекательных фильмов, есть на то и другие причины. Виктор Шкловский, некогда пламенный участник и поклонник кинематографа, объявил на склоне лет телевизор другом человека. Полагаю, то была благодарность преклонного возраста. Даже если телевизор обогатится экраном во всю стену жилой комнаты, невозможно, чтоб это уничтожило желание смотреть фильмы в кинотеатре. Зрелищные искусства в людском общении производят более горячее и стойкое — положительное или отрицательное — впечатление. В этом случае индивидуально возникшие эмоции возгораются в столкновении с восприятием соседей и приобретают значимость общественного явления.

И это уходит в прошлое? Отслужило? И лучшим памятником кино будет видео? А все же, может быть, еще рано отпевать кино? Может быть, найти способ воскресить его?

Мечты? А вдруг! Ведь не иссякли таланты, энергия, жажда обретения подлинного мастерства у кинематографистов! Тому доказательством некоторые фильмы, созданные за последние годы, где режиссерам удалось выразить «образ и давление времени», как говорил Шекспир применительно к спектаклю.

Беда в том, что если раньше кинематограф угнетали запреты, то теперь он задыхается в тисках экономики. Производство фильмов требует серьезных материальных затрат. Самое дешевое в советской кинематографии — это стоимость творческого труда ее создателей. Но сейчас не время на это жаловаться.

Когда перестройка спотыкается то о позорное человеческое нерадение, то о разбухавшуюся преступность, то об апокалипсически обесмысленную, где-то бунтующую, где-то бедственно угасающую природу, то о кроваво озлобленную национальную рознь, а все вместе упирается в обескровленную экономику, — мне кажется, в такой критический момент на помощь обществу должна прийти целебная магия искусства.

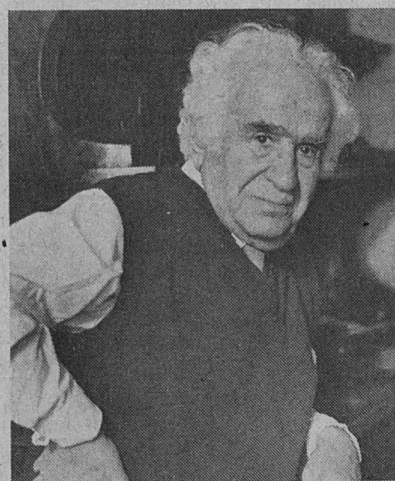
«Осознанность народом своего бытия есть, может быть, самая большая сила, которая движет жизнь», — сказал Вернадский. Воплотить на экране эту мысль в образе героя, конечно, не однолинейного, не прилизанного, не сухого, не послушного мне представляется сейчас самой главной гуманной задачей кинематографа.

К сожалению, вот так размечтаешься, а в тебя вливается колючий вопрос: а деньги? Для производства фильма нужны деньги и немалые, особенно приходящая во внимание нашу ветхую, немощную съемочную технику времен плуга и примуса. Как я уже упоминал, самокупаемость и самофинансирование ограничивают тематику и предполагают ее «модную» выразительность с оглядкой на кассу, которая зачастую губит самые прекрасные замыслы, самые пылкие труды и искреннее стремление говорить со зрителем на языке искусства.

Как быть? Со всех сторон обступили неотложные экологические надобности, затраты на продовольствие, на медицину, на строительство, на нужды всего первостепенного, вопиюще дефицитного. И все-таки, все-таки, все-таки деньги найдутся. Уже возмизли в нашу повседневность, в нашу русскую речь слова: спонсор, менеджер, продюсер. Не выходя из круга этих слов, добавлю еще одно: «менеджер». И в лице его — до крайности необходимое кинематографу государственное меценатство. Проще говоря, дотация. Этого требует священная проблема одухотворения общества. Самые занятые товары широкого потребления не восполняют отсутствия духовности, что, как стихийное бедствие, поражает людей всех поколений.

Не пора ли помочь кинематографу в избавлении души человеческой от скверны греховных наслоений прошлого и увы, настоящего?..

Александр ЗАРХИ.

Правда. —
1990. —
Белл. — С. 4.

воскрешения былого отрадного интереса к кино. И... не случилось!

Страстный, всепоглощающий интерес к правде нашей истории зажег документальное кино. Это понятно. Нужно. Обнародовать правду — долг кинопублицистики. Но ведь с этой умопомрачительной правдой надо еще и душевно совладать. Человек внутренне распрямляется не только благодаря умом постигнутой правде, но и непременно путем эмоционального ее постижения. Факт, архивный документ — это ценный росток, из которого талант художника, озарения интуиции, иногда и дар предвиденья могут взрастить плодоносящее древо искусства. Корнями правды питается художественный вымысел, и потому «...только то вносится в сокровищницу души нашей, что приняло художественный образ» (Аполлон Григорьев).

Установка на свободу искусства отвергла запреты. Появилось несколько лент, умно, прочувствованно, проникновенно соотносящихся с современностью, и не только тематически, не только внутренним движением сюжета, но и поисками более емкой выразительности. Но, к стыду нашему, такие фильмы не встречают активного интереса ни у проката, ни у зрителя. Не отвлекают большинство режиссеров от поверхностного отклика на текущую действительность.

А в то же время какие темы у порога! Из тьмы репрессий высветляются изничтоженные человеческие судьбы, достойные не только реабилитации, мемориалов, надгробий, но и вечной жизни в литературе и в искусстве. Или возмните фигуры сторонних наблюдателей, привычно скованных страхом и безмолвием, порой страдальческим... Или бывших комсомольцев-романтиков, ныне возвращающих свои партбилеты... Или тех, чья жизнь вскипает в толчее протестов, у кого справедливых, а у кого бездумных, бесшабашных, бесцельных, потому что просто невмочь разобраться в небывало сложном бытии...

Какие драмы назрели, какие сюжеты плетет фантазия, какие характеры ждут психологического анализа и — убежден! — противостояния. Надежного и энергичного борения с беспомощностью безверия, с гибельным ощущением вселенного падения и мощи разгулявшегося насилия.

Но большинство фильмов, выпущенных за последние годы, будто отмахиваются от драматизма окружающей обстановки. Либо, потворствуя эпидемии безнравст-

мане, на лицемерии, на однозначной плакатности. Теперь, слава богу, подобные одномерные фигуры удаляются лишь горько-насмешливого упоминания в фельетонах. Жаль только, что пошлые персонажи затянувшихся лихолетий вместе с собой утащили в тень, а порой и в забытые тех героев, что некогда появлялись в фильмах, не опорочив ни наш кинематограф, ни его создателей.

Где же ныне образ человека, который мечтой, верой, духовной красотой ворвется в будущее? Хочу думать, что они есть, эти люди. Они на окраинах, они рядом, но все еще не видны в затуманенном зеркале кино.

В кинематографе идет жаркая суета вокруг кооперации, вокруг совместных зарубежных кинопостановок — ласкает и губит всеопределяющий хозрасчет. В фильмотворчество начальственно вступает «золотой телец». Результат на экране: ширпотребные скороспелки с крупноплазовыми узорами из наркомании, секса и насилия — вредный, отравляющий выбор в душу зрителя. Выбор темы, ее раскрытие, пафос содержания заранее высчитывается возможностью заработка, нередко попирая и талант, и индивидуальность художника. Примирить искусство с хозрасчетом так же трудно, как огонь с водой. Я не единственный, кто, исходя из опыта своего и коллег, с тревогой говорит об этом.

Еще раз скажу, что мне кажется неразумным поспешно отвергать фильм за способ художественной аргументации предложенной в нем идеи. Но когда режиссеры полагают избавиться от захлеста сериатин демонстрацией беспощадно пролитой крови, или искусным избивением, или вариантами половых актов, то за этим заманчиво расцветает культ насилия. Жестокосердье — пусть правдивых и даже иной раз талантливых фильмов — вызывает не взрыв осуждения, а грех подражания. Благотворная, наконец-то явленная свобода творчества унижается до удала вседозволенности, до предательства нравственности и любви. А между тем: «Половое влечение свойственно даже мухам, но для того, чтобы оно стало любовью, потребовались тысячелетия искусства — от древних критян и Калидасы до Гёте, Стендала, Толстого и дальше — до Аполлинера, Блока, Маяковского, Хемингуэя, Элюара, Пастернака» (Эренбург). И вот обогатившаяся человечество высокая поэзия любви сброшена с «корабля современности». А теперь назад, к мухам, так, что ли?